

**СТОЛИЦА ИЛИ ПРОВИНЦИЯ:
ОБРАЗЫ ПРАГИ В СОЗНАНИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ
1920–1930-Х ГОДОВ**

МИХАИЛ В. КОВАЛЁВ

The image of Prague in the consciousness of the Russian émigré community was complex and contradictory. The dispute as to whether it was a capital city or a province that evolved within the émigré community in the nineteen twenties and thirties was initiated by a relatively small group of intellectuals, primarily writers. It resulted from old artistic and aesthetic disputes being brought to émigré soil, and was not connected with the true position of the émigré centres.

Key words: Russian history; emigration; Prague

«Читаю Ваше письмо и улыбаюсь: маленькая Прага – а сколько имен и событий...», – писала в 1927 г. М. И. Цветаева своей чешской подруге А. Тесковой¹. И с этими словами могли бы согласиться тысячи соотечественников великой поэтессы, для которых в 1920–1930-е гг. чешская столица стала новым домом. Действительно, в истории русской эмиграции Прага сыграла совершенно особую и ни с чем несравнимую роль.

Так уж совпало, но становление русской колонии в Праге происходило одновременно с превращением ее из крупного, но все же провинциального австро-венгерского города в столицу молодой славянской республики, провозглашенной 28 октября 1918 г. На глазах русских беженцев, принесенных волной революции и Гражданской войны, Прага стремительно разрасталась, привыкая к своему новому столичному статусу. «Русская акция» чехословацкого правительства, о которой сегодня написано столь много разных работ², дала возможность тысячам беженцев, в первую очередь интеллектуалам, продолжить свою работу за рубежом и обеспечила пусть скромные, но стабильные условия жизни. Так та самая «маленькая Прага» сделалась большим центром русской науки, культуры и образования за границей!

Представляется небезынтересным проанализировать, какое же место занимала Прага в сознании русских эмигрантов, как конструировали они ее образ, как соотносился он с

¹ ЦВЕТАЕВА, М. И.: *Из писем А. Тесковой*. In: Прага: Русский взгляд; Век восемнадцатый – век двадцать первый. Москва: ВГБИЛ, 2003, с. 136.

² Назовем здесь лишь некоторые работы: SLÁDEK, Z.: *Ruská emigrace v Československu*. Slovanský přehled, 1993/1, s. 1–13; EADEM. *O ruské pomocné akci tentokrát polemicky*. In: Ruská a ukrajinská emigrace v ČR v letech 1918–1945 (Sborník studií – 3). Praha: Seminář pro dějiny východní Evropy při Ústavu světových dějin FF UK v Praze, 1995, s. 20–25; CHINAYEVA, E.: *Ruská emigrace v Československu: vývoj ruské pomocné akce*. Slovanský přehled, 1993/1, s. 14–24; EADEM: *Russians outside Russia: the Émigré Community in Czechoslovakia, 1918–1938*. München: R. Oldenbourg Verlag, 2001; БУБЕНИКОВА, М.: *Проект помощи Чехословацкой республике эмигрантам из Советской России – «Русская акция»*. In: Ruská a ukrajinská emigrace v ČR v letech 1918–1945 (Sborník studií–3). Praha: Seminář pro dějiny východní Evropy při Ústavu světových dějin FF UK v Praze, 1995, s. 14–19; САВИЦКИЙ, И.: *Этапы развития пражской русской эмиграции в 1919–1939 гг.* In: Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы проведенных исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов. Прага: Národní knihovna ČR, 1995. Т. 1, с. 46–53; ОН ЖЕ: *Прага и Зарубежная Россия: Очерки по истории русской эмиграции 1918 – 1938 гг.* Прага: Ideg Prague, 2002 и др.

образами других эмигрантских центров, как отражался он в автодокументальных текстах (мемуарах, письмах и дневниках), периодической печати, научной литературе, художественных произведениях. Ответы на эти вопросы кажутся, на первый взгляд, очевидными. Однако торопиться с выводами не стоит. В современной историографии накоплен большой пласт исследований о разных эмигрантских центрах – Париже, Берлине, Праге, Харбине, Нью-Йорке, Риге, Белграде, Софии³. Но нельзя не согласиться с мнением чешского историка И. Савицкого, что еще недостаточно изучено, как соотносятся они между собой, какое место занимают на ментальной карте Зарубежной России⁴. Ведь у каждого такого русского города на чужбине был свой неповторимый облик, своя судьба. История этих центров имела свою внутреннюю и внешнюю динамику: менялась численность их населения, социально-культурный и политический статус. Поэтому важно понять, как взаимодействовали они друг с другом, и какие взаимные представления бытовали в русской зарубежной среде, как рождался образ эмигрантского города, как воспринимали русские коренное население и как выстраивали отношения с ним.

А что же Прага? Каков был ее образ, как он изменялся, и какие факторы влияли на этот процесс⁵? Дать ответы на эти непростые вопросы можно лишь при тщательном изучении многочисленных и разнообразных источников, порожденных в эмигрантской среде. Здесь следует признать, что пражский дискурс в эмигрантском текстуальном пространстве гораздо скромнее парижского и берлинского. Это затрудняет историко-культурный анализ образа чешской столицы в эмигрантском сознании. В то же время мешают этому и определенные исторические мифологемы, которые восходят своими корнями к 1920 – 1930-м гг. Их деконструкция превращается еще в одну важную исследовательскую задачу. Один из таких культурных мифов связан с особой и неповторимой ролью Парижа в жизни русской диаспоры.

Характерной чертой эмигрантской интеллектуальной жизни был спор о столице и провинции Зарубежной России. Правда был он уделом главным образом литераторов и представителей творческой интеллигенции. Тем не менее вовлечены в него оказались и более широкие слои русской диаспоры. Спор этот был неразрывно связан с утверждением особого статуса Парижа в эмигрантской культурной жизни и глобализмом притязаний его

³ JOHNSTON, R. H.: *New Mecca, New Babylon: Paris and the Russian Exiles, 1920–1945*. Kingston: McGill-Queen's Press, 1988; *Der grosse Exodus: die russische Emigration und ihre Zentre 1917–1941* / Hrsg. von K. SCHLÖGEL. München: Beck, 1994; MENEGALDO, H.: *Les Russes a Paris 1919–1939*. Paris: Editions Autrement, 1998; ANDREYEV, C. – SAVICKÝ, I.: *Russia Abroad: Prague and the Russian Diaspora, 1918–1938*. New Haven–London: Yale University Press, 2004; МЕЛИХОВ, Г. В.: *Белый Харбин: Середина 20-х гг.* Москва: Русский путь, 2003; ШЛЁГЕЛЬ, К.: *Берлин, Восточный вокзал: Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1919–1945)*. Москва: Новое литературное обозрение, 2004; КОСИК, В. И.: *Что мне до вас, мостовые Белграда? Русская диаспора в Белграде. 1920–1950-е годы. Эссе*. Москва: Институт славяноведения РАН, 2007; ОН ЖЕ: *Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде. 1920–1950-е годы*. Москва: Институт славяноведения РАН, 2007; ОН ЖЕ: *Софии русский уголок: очерки со стихами о русских, покинувших Россию после Октябрьской революции 1917 года и последовавшей за ней Гражданской войны*. Москва: Издательство «Пробел–2000», 2008; ВАН ЧЖИЧЕН: *История русской эмиграции в Шанхае*. Москва: Русский путь, 2008 и др.

⁴ САВИЦКИЙ, И.: *Прага и Зарубежная Россия*, с. 9.

⁵ Автор разделяет взгляды современных российских историков, согласно которым всякие образы формируются на основе стереотипов. Но одновременно сами они отличаются от стереотипов «полнотой, большей гибкостью, меньшей эмоциональной составляющей», они основываются, как правило, на личном опыте и «не передаются готовыми, как стереотип». См.: ГОЛУБЕВ, А. В. – КУПРИЯНОВ, П. С.: *Представления об «Ином»: эволюция и механизмы (из российского опыта XIX–XXI веков)*. In: *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия*. Москва: ИРИ РАН, 2006, с. 375.

русских обитателей. Как показала петербургская исследовательница Ольга Демидова, в середине 1920-х гг. «литературно-бытовой текст парижской ветви диаспоры осознается как столичный, все остальные – как провинциальные»⁶. Таким образом, противопоставление «эмигрантской столицы и провинции актуализировалось и приобрело антитетический характер». Столицей Зарубежной России в 1920–1930-е гг. считался Париж, другие центры русского рассеяния по сравнению с ним воспринимались как провинциальные. И Прага не была исключением из правил⁷.

Тяга русских к французской столице была вполне понятной и легко объяснимой. Истоки российской галломании уходят своими корнями еще в XVIII в. В XIX в. парижский миф прочно и окончательно вошел в русскую культуру. На рубеже XIX–XX вв. для русских интеллектуалов Париж стал одним из главных символов европейской цивилизации. Именно во Францию устремились после революции и Гражданской войны тысячи беженцев, а русская колония в этой стране на протяжении 1920–1930-х гг. была чрезвычайно многочисленной. Понятно, что ни Прага, ни тем более София, Белград, Рига или далекий китайский Харбин не могли противостоять Парижу и его культурному мифу, который прочно вошел в сознание русских еще задолго до революции. Здесь уместно говорить о стереотипе, который имел как индивидуальное, так и коллективное измерение. Личный опыт отдельных людей складывался в коллективный опыт эмиграции.

Действительно, в сознании большинства русских бытовали лишь смутные представления о славянских столицах Центральной и Восточной Европы, за исключением разве что Варшавы. Русские путешественники еще в XIX в. посещали Белград, Софию, Прагу, Братиславу, носившую до 1919 г. немецкое название Пресбург. Однако устойчивых образов этих городов в массовом сознании не сложилось, несмотря на колоссальный интерес русского общества к славянскому вопросу. Славянское возрождение усиливало это культурное притяжение, но одновременно порождало новые стереотипы и мифологемы в русском сознании⁸. В отличие от балканских городов, Прага никогда не воспринималась русскими как окраина европейской цивилизации, но и в качестве Европейской столицы ее не рассматривали. Насколько же оправданными можно считать представления о Праге как о провинциальном городе Зарубежной России? И можно ли говорить о том, что они разделялись широкими кругами русской диаспоры?

Образы Праги, Чехословакии и чехов формировались в немалой степени под воздействием инокультурных стереотипов⁹. Несмотря на то, что весь XIX в. прошел для русского общества под знаменем идеи славянской взаимности, реальные знания

⁶ ДЕМИДОВА, О. Р.: *Метаморфозы в изгнании: литературный быт русского зарубежья*. Санкт-Петербург: Гиперион, 2003, с. 33.

⁷ «По сравнению с русским Берлином периода расцвета русская Прага осознавалась как один из центров эмиграции; по сравнению с русским Парижем конца 1920-х–1930-х гг. и Берлин, и Прага, и София, и Белград, и Харбин одинаково ощущали себя провинцией, хотя в общеэмигрантской иерархии Прага занимала более высокое положение, чем София и Белград, Белград считался “столичнее” Харбина, а все европейские центры – „столичнее“ азиатских, американских и австралийских», – ДЕМИДОВА, О. Р.: *Op. cit.*, с. 32.

⁸ Одной из таких мифологем является стремление поставить знак равенства между русским славянофильством и национальным возрождением зарубежных славянских народов, представить славянофильство как «еще одно из учений о славянстве» (НИКЛ, Г.: *Славянофилы и славянство: случай Ивана Киреевского*. In: *Slovanské jazyku a literatury: hledání identity. Konference mladých slavistů IV – říjen 2008*. Praha: Nakladatelství Pavel Mervart, 2009, s. 281–282).

⁹ В данном случае значение термина «инокультурные стереотипы» шире значения терминов «этнические» и «внешнеполитические стереотипы». Он включает в себя не только образ этнической группы или иностранного государства, но и представления о «национальной истории, культуре, современной жизни» (ГОЛУБЕВ, А. В.– КУПРИЯНОВ, П. С.: *Op. cit.*, с. 374–375).

о славянах и славянском мире мало соответствовали действительности. Вполне прав был К. Д. Бальмонт, сетовавший в 1930-х гг., что «славяне мало изучают язык, историю и творчество братских славянских народов»¹⁰.

Первые впечатления о чешской столице у большинства русских были связаны с запахом карболовой кислоты, которой мыли перроны пражских вокзалов¹¹, и с непривычными для русского взгляда вывесками магазинов и лавок «Горьки млеко», «Черствы хлеб», переводившиеся, в действительности, с чешского языка как «Горячее молоко» и «Свежий хлеб»¹². Но уже очень скоро в сознание русских эмигрантов начали входить и другие, более очевидные, яркие и запоминающиеся, визуальные пражские образы, связанные в первую очередь с урбанистическим пейзажем.

Пространство Праги представляло собой особый культурный текст, сформировавшийся на пересечении различных этнических, религиозных, лингвистических границ. Известно, что опыт освоения и усвоения пространства индивидуален. Поэтому Прага порождала не только коллективные, но, в первую очередь, индивидуальные образы, которые находили выражение в многочисленных автодокументальных текстах. Все они рисуют сложную картину диалога культур и многогранный образ самой чешской столицы. В них, как в зеркале, отражались авторские представления о Других, в данном случае о чехах, их характере, манерах поведения, внешнем виде, привычках¹³.

Прага была для русских не просто городским пространством, но активным участником и свидетелем исторического процесса. В этом отношении, по мнению эмигрантов, лишь немногие европейские города могли бы сравниться с ней. В интервью газете «Prager Presse» 20 июня 1922 г. знаменитый писатель-сатирик А. Т. Аверченко говорил: «Прага такая прокопченная. Я думаю, что десятки городов дорого бы дали, чтобы так прокоптиться и приобрести такой благородный налет старины»¹⁴.

Если столицы западноевропейских государств воспринимались многими русскими как «чужие города», то в образе Праги и Чехословакии вообще эмигранты старались

¹⁰ БАЛЬМОНТ, К. Д.: *Из эссе «Душа Чехии в слове и в деле. Поэтические оценки и образцы»*. In: Прага: Русский взгляд, с. 151.

¹¹ См. воспоминания историка Н. Е. Андреева: «Над вокзалом стоял пронзительный запах, ибо утром все вокзалы в Праге обмывали раствором карболки. Этот запах у меня долго ассоциировался с въездом в Чехословакию» (АНДРЕЕВ, Н. Е.: *То, что вспоминается: Из семейной хроники Николая Ефремовича Андреева (1908–1982)*. Таллинн: Авенариус, 1996. Т. 1, с. 249). Воспоминания о пражском Вильсоновском вокзале сохранила и дочь литературоведа А. Л. Бема: «Прага на всю жизнь запомнилась мне такой, какой встретила нас в этот первый день на вокзале... Этот запах паровозного дыма, копоти, всей вокзальной атмосферы большого города» (БЕМ-РЕЙЗЕР, Т. А.: *Украденное счастье*. Новый журнал (Нью-Йорк), 2008/251, с. 244).

¹² АНДРЕЕВ, Н. Е.: *Op. cit.* Т. I, с. 249. О соотношении русского и чешского языков в повседневной практике эмигрантов и об их приспособлении к новому лингвистическому пространству см.: КОВАЛЁВ, М. В.: *Эмиграция и лингвистическая травма: русская диаспора в Праге в 1920–1930-е гг.* In: *Slovanské jazyky a literatury: hledání identity*. Konference mladých slavistů IV – říjen 2008. Praha: Nakladatelství Pavel Mervart, 2009, s. 273–279.

¹³ См. об этом: CHINAYEVA, E.: *Russian émigrés and Czechoslovak society: uneasy relations*. In: *Ruská a ukrajinská emigrace v ČR v letech 1918–1945 (Sborník studií–2)*. Praha: Seminář pro dějiny východní Evropy při Ústavu světových dějin FF UK v Praze, 1994, s. 46–64; КОВАЛЁВ, М. В.: *Российская научная эмиграция в Чехословакии: проблемы адаптации*. In: *Историко-археологические изыскания: Сборник трудов молодых ученых*. Самара: Издательство СГПУ, 2006. Вып. 8, с. 84–89; ОН ЖЕ: *Русские историки-эмигранты и чешское научное окружение*. In: *Россия и мир глазами друг друга: история взаимовосприятия: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции*. Москва: ИРИ РАН, 2008, с. 174–178.

¹⁴ АВЕРЧЕНКО, А. Т.: *Из интервью*. In: Прага: Русский взгляд, с. 127.

подчеркнуть близкие им черты, напоминавшие о потерянной Родине. Корреспондент парижских «Последних новостей» отмечал, что при пересечении немецко-чешской границы он словно оказался в другом мире, попал «из чужого дома к родственникам»¹⁵. Представления эти, безусловно, питались давними мечтами о славянском единстве и славянском братстве. Интересно, что еще в XIX в. немало русских путешественников пыталось уподобить Прагу Москве¹⁶.

Пражское городское пространство осознавалось русскими как средоточие культурных символов. Если для В. В. Набокова в романе «Дар» Берлин был лишен поэтичности, если А. Н. Вертинский пел о «чужих городах», в которых русские «чужие навсегда», то Прагу русские авторы описывали по-иному. В восприятии русских сами чехи нередко противопоставлялись немцам и французам. В январе 1936 г. Е. И. Замятин писал А. Н. Толстому: «Хороший город Прага! И чехи – теплые ребята, это тебе не французы. Сколько я там топил в “Умелецкой беседе” – с Кубкой, Коптой, Чапеком!»¹⁷

Почти все русские попали под очарование древнего города, ставшего молодой славянской столицей. Прошлое и настоящее сливалось в ней воедино. И порой трудно было отличить, где были реалии, а где тени прошлого, как, например, поэту Игорю Северянину, для которого Прага была окутана мистическим фаустовским духом, и в которой «явь» переплеталась с «бредом»¹⁸. Этот мистический дух, передаваемый «загадочными клубками узких улиц» (И. Г. Эренбург)¹⁹, «сонными мостами» и «серебристыми башнями» (Т. Д. Клименко-Ратгауз)²⁰, отмечали десятки русских эмигрантов.

Одним из самых притягательных мест в Праге русские обозначали Карлов мост, воспринимавшийся ими как место пересечения разных исторических эпох. Это ощущение хорошо передают слова художника А. Н. Бенуа из письма в газету «Последние новости» от 11 мая 1935 г.: «Когда стоишь на изумительном Карловом мосту, подобного которому нигде не найти, и глядишь с него на обе стороны, то получаются картины, которыми еще любовались люди в дни, когда во Франции правил Луи Каторз, а в России „Тишайший“. И если бы встали из гроба король Карл IV или император-меценат Рудольф II, то они бы

¹⁵ К. Н.: *Три столицы: III. Прага*. Последние новости (Париж), 1925/1612, 28 июля.

¹⁶ «Прага хороша, но неправильно выстроена и немного напоминает Москву» (ХОМУТО, С. Г.: Из «Дневника свитского офицера. 1813 год». In: Прага: русский взгляд, с. 34), «Прага, столица Богемии... Говорят, что вид ее имеет сходство с Москвою...» (РАЕВСКИЙ, А. Ф.: Из «Воспоминаний о походах 1813 и 1814 годов». Ibid, с. 35), «Оттуда мы в прелестную погоду поехали в Прагу, вид которой издаലെка поразил нас всех сходством с Москвою» (БЕНКЕНДОРФ, А. Х.: Из мемуаров «Портфель графа А. Х. Бенкендорфа». Ibid, с. 43), «Я жила вместе с Родителями на Градчане, откуда был прекраснейший вид на город и Влтаву. Вид этот напоминал мне Москву...» (ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА: Из «Воспоминаний. 1825–1846». Ibid, с. 44), «Прага имеет много сходства с Москвою; такой же старый большой живописный город, тоже кривые улицы и переулочки, та же смесь в строении» (СТАНКЕВИЧ, Н. В.: Из писем родителям. Ibid, с. 48) и др.

¹⁷ ЗАМЯТИН, Е. И.: Из письма А. Н. Толстому. In: Прага: Русский взгляд, с. 192. И здесь в словах известного писателя возникает другой узнаваемый всеми русскими пражский образ – пивная. Тот же Е. И. Замятин отметил в своей записной книжке пивную «У Хмеля», в которой подавали 12 сортов сосисок, и, конечно, самую популярную пражскую пивную «Флек» (ЗАМЯТИН, Е. И.: Из «Записных книжек». 1931–1936. In: Прага: Русский взгляд, с. 192). Ее же воспел в своем шуточном стихотворении известный пражский врач и поэт Ф. Н. Досужков: «И нету в целой миллионной Праге // Искренне и просто приветливее места» (ДОСУЖКОВ, Ф. Н.: «Флек». Ibid, с. 224). Пивные влекли эмигрантов не только как места проведения досуга, но и как места повседневного соприкосновения русской и чешской культур. Тот же Е. И. Замятин отмечал: «Пьют за соседним столом – наполовину по-чешски, наполовину по-русски» (ЗАМЯТИН, Е. И.: Из «Записных книжек», с. 191).

¹⁸ СЕВЕРЯНИН, И.: *Прага*. In: Прага: Русский взгляд, с. 146.

¹⁹ ЭРЕНБУРГ, И. Г.: Из книги «Дороги Европы». Ibid, с. 143.

²⁰ КЛИМЕНКО-РАТГАУЗ, Т. Д.: *Память о Праге*. Ibid, с. 191.

в общем узнали свою Прагу, весь ее диковинный, из башен и шпилей состоящий силуэт, столь красноречиво говорящий о мощи, и о богатстве, и о глубокой древней культурности города»²¹. Известный искусствовед Н. А. Еленев убедительно подтвердил эти суждения в научной статье о Карловом мосте, который являлся для него «одним из замечательнейших созданий национального гения», воплощением души Праги и чешского духа²².

Но Карлов мост – не только мемориальный символ, его образ в восприятии русских сложнее и многограннее. Он не только историчен, но еще и эстетичен. Значение его наглядно раскрывается в эмигрантской поэзии и прозе. Так в стихотворении Т. Д. Клименко-Ратгауз мост является местом разлуки. Стоя на нем ранним морозным утром, героиня видит перед собой чернеющие башни, грохочущий трамвай, лиловую воду Влтавы, слышит церковное пение и понимает, что своего любимого ей не больше не встретит «ни завтра, ни сегодня, никогда»²³. В то же самое время, словно в противовес, Карлов мост становится символом романтических встреч, как, например, в стихотворении Г. П. Струве, который не может забыть серебриющуюся ночную воду у моста, «щербатые камни» пражских улиц и «терпкий вкус нецелованных губ» своей возлюбленной²⁴.

Образ Карлова моста дополнялся в сознании русских другим знаковым символом – скульптурной фигурой Пражского рыцаря. Этот «бледнолицый Страж» становится героем знаменитого стихотворения М. И. Цветаевой²⁵. Она же пишет А. В. Бахраху в Париж 27 сентября 1923 г.: «У меня есть друг в Праге, каменный рыцарь, очень похожий на меня лицом. Он стоит на мосту и стережет реку: клятвы, кольца, волны, тела. Ему около пятисот лет, и он очень молод: каменный мальчик. Когда Вы думаете обо мне, видите меня с ним»²⁶. Пражского рыцаря делает героем своего рассказа писатель-эмигрант П. А. Кожевников. Рыцарь становится под его пером символом вечности («Сменяются прохожие на Карловом мосту, сменяются эпохи, нравы и одежды, а он все стоит») и верности долгу («Стоит страж на своем посту, такой честный, верный своему долгу») ²⁷. Он спасает героиню, попытавшуюся покончить жизнь самоубийством, бросившись в воды Влтавы с высоты Карлова моста.

Подобные насыщенные описания были призваны показать особое историческое очарование Праги, уравнивать ее с другими европейскими столицами. Своеобразной апологией Праги и самой масариковской Чехословакии стала книга известного журналиста и литературоведа М. Л. Слонима «По золотой тропе», изданная в 1928 г. специально к 10-летию юбилею славянской республики²⁸. Она написана в виде путевых очерков, и это роднит ее с другими известными в эмиграции путевыми заметками – «Образами Италии» П. П. Муратова, расширенное и дополненное издание которых вышло в Берлине в 1923 г.

Перед читателями книги М. Л. Слонима предстает написанный ярким литературным языком путеводитель по чешской столице, страница за страницей сменяют друг друга

²¹ БЕНУА, А. Н.: *Из писем в парижскую газету «Последние новости»*. Ibid, с. 197–198.

²² См.: ЕЛЕНЕВ, Н. А.: *Карлов мост в Праге*. Научные труды Русского народного университета. Прага, 1931/IV, с. 46–64.

²³ КЛИМЕНКО-РАТГАУЗ, Т. Д.: *На Карловом мосту*. In: Прага: Русский взгляд, с. 189.

²⁴ СТУВЕ, Г. П.: *На Карловом мосту*. In: Прага: Русский взгляд, с. 215; ОН ЖЕ: *Прага – 1938*. Ibid, с. 216.

²⁵ ЦВЕТАЕВА, М. И.: *Пражский рыцарь*. In: ЦВЕТАЕВА, М. И.: «Осыпались листья над вашей могилой...»: *Стихотворения, поэмы*. Казань: Татарское книжное издательство, 1990, с. 332–333.

²⁶ ЦВЕТАЕВА, М. И.: *Из писем А. В. Бахраху*. In: Прага: Русский взгляд, с. 134.

²⁷ КОЖЕВНИКОВ, П. А.: *Из рассказа «Каменный рыцарь»*. Ibid, с. 186.

²⁸ СЛОНИМ, М. Л.: *По золотой тропе: чехословацкие впечатления*. Париж: Société Nouvelled'Éditions Franco-Slave, 1928.

пражские достопримечательности – Карлов мост, Град, Вацлавская площадь, Вышеград, улица Пшикоп... Автор уделяет большое внимание повседневным деталям. Он рисует переполненные кафе, светящиеся витрины, обувные магазины «Бати», бары и дансинги. И эти детали призваны показать современное очарование Праги, подчеркнуть ее столичность, убедить читателя в том, что Вацлавская площадь не уступает Монмартру и Унтер-ден-Линден. Поэтому и пишет М. Л. Слоним об «уверенной в себе толпе», «великолепных магазинах» и «строящихся домах», о «Праге победы, пробужденной после столетий насильственного сна»²⁹. Даже манекены в витринах магазинов в описании М. Л. Слонима выглядят по-парижски³⁰.

В его повествовании прошлое и настоящее Праги соединяется воедино. В ней соседствуют новые модернистские дома и барочные дворцы, древние хоругви гуситов и развевающиеся флаги молодой Чехословакии. Для журналиста важен пафос городского прогресса: «Сквозь рабство и бедность пронес он эту мечту о своем доме, и вот теперь он строит Новую Прагу»³¹. Правда облик новой столицы вызывает у него не всегда восхищение, но часто иронию. Он смеется над новой чешской буржуазией, боящейся упреков в провинциальности, и желающей пересадить все «достижения техники» и все «столичные выдумки» на пражскую почву³². По прогнозу М. Л. Слонима, всего лишь через несколько лет эти самые новые люди снесут «изящные дома с барочными украшениями на фасаде..., бывшие свидетелями и иезуитски-холодного царствования Иосифа II и постно-лицемерного века Марии Терезы», и заменят их высотными зданиями из стекла и бетона³³. К счастью, предсказание русского журналиста так и не сбылось, и старая Прага по-прежнему сохраняет свое историческое обаяние.

Интересно, что многих эмигрантов визуальные образы Праги заставляли вспомнить о России. В статье уже говорилось, что русские путешественники XIX в. находили схожие черты между Прагой и Москвой. Находили их и русские изгнанники 1920–1930-х гг. Так Е. И. Замятин, прогулявшийся по Златой улочке в Пражском Граде, написал, что ее маленькие домики похожи на «наши провинциальные»³⁴.

Итак, перед нами опять появляется термин «провинция». Принадлежит он в данном случае не парижанину, а писателю, сумевшему покинуть СССР только в начале 1930-х гг. Однако в данном контексте в значение слова «провинция» не вкладывается ни капли иронии и уничижения. Как показала в своих исследованиях Ольга Демидова, в эмигрантской среде произошло раздвоение его понимания. Дореволюционная провинциальная жизнь стала восприниматься как своего рода культурный эталон, а провинции эмигрантской напротив стали приписываться негативные смыслы, которые связывались с этим понятием в дореволюционной России: «захолустье», «скука», «кочность», «отсталость»³⁵.

Эти эпитеты нередко употреблялись и по отношению к Праге, чаще всего со стороны русских парижан и, реже, берлинцев. Например герой набоковского романа «Отчаяние» испытывает к Праге противоречивые чувства. Оказавшись по служебным делам в чешской столице, он решил прогуляться по пражской окраине, желая найти покой

²⁹ Ibid, с. 10.

³⁰ Ibid, с. 12.

³¹ Ibid, с. 11.

³² Ibid.

³³ СЛОНИМ, М. Л.: *По золотой тропе: чехословацкие впечатления*, с. 11.

³⁴ ЗАМЯТИН, Е. И.: *Из «Записных книжек»*, с. 191.

³⁵ ДЕМИДОВА, О. Р.: *Op. cit.*, с. 33.

и красоту. Но вместо них он видит «унылые, бесплодные места», «кривые домики», «бумажонки, тряпки, отбросы»³⁶. Позиция набоковского героя выглядит, конечно, пристрастной и безапелляционной. Но она также отражает настроения определенного слоя эмигрантов, предпочитавших чешской столице Париж и Берлин. В апреле 1925 г. видный эсер А. В. Пешехонов писал историку-архивисту А. Ф. Изюмову: «Итак, Вы окончательно предпочли Берлин Праге. Ваше длительное сидение на двух стульях, стало быть, кончилось. И пора!... Все таки Берлин – столица, а Прага – провинция, не говоря уже о всем прочем. А главное – к России ближе»³⁷.

Даже при поверхностном взгляде становится понятно, что в сознании русских бытовало противоречивое восприятие Праги. Все они подчеркивали изысканное очарование чешской столицы. О своей любви к ней говорила в письма к А. Тесковой и М. И. Цветаева: «Я Прагу люблю первой после Москвы...»³⁸. В письме в редакцию «Последних новостей» в мае 1935 г. А. Н. Бенуа называл чешскую столицу «самым поэтичным городом Средней Европы»³⁹. Но одновременно Прага воспринималась многими как город, не привыкший к столичному статусу, провинциальный, хотя и глубоко европейский, несравнимый с тем же имперским Петербургом⁴⁰. Многочисленные эмигрантские политические деятели полагали, что отсюда нельзя оказывать влияние на мировую политику и поэтому предпочитали жить в Париже или Берлине. В то же время в начале 1920-х гг. Прага воспринималась как эсеровский центр, и поэтому отталкивала многих интеллектуалов. Как считает И. Савицкий, именно это сыграло роль в отказе философа И. А. Ильина перебраться из Германии в Чехословакию⁴¹.

Едкие характеристики русской Праги можно найти в воспоминаниях и письмах русских парижан. Поэт В. Ф. Ходасевич писал 7 ноября 1923 г. А. В. Бахраху: «Что касается здешних русских, то – случалось ли Вам ездить по России в спальном вагоне 3-го класса? Так вот, представьте, что все пассажиры одного (бухгалтеры, земские статистики, учителя, чиновники контрольной палаты, землемеры) – вылезли на станции “Прага” и закусьвают в буфете. Колбаса, сыр, чай (“свой кипяток”) – и просаленная бумага»⁴².

В то время как русский Париж ориентировался на петербургские культурные традиции «Серебряного века», интеллектуальная среда русской Праги испытывала сильное

³⁶ НАБОКОВ, В. В.: *Из романа «Отчаяние»*. In: Прага: Русский взгляд, с. 162–163.

³⁷ Государственный архив Российской Федерации, Ф. 5962, Оп. 1, Д. 8, Л. 46. Взгляды А. В. Пешехонова, очевидно, находили широкий отклик в эмигрантской среде. Когда чехословацкое правительство начинало «Русскую акцию», то на призыв переехать в Прагу откликнулись далеко не все русские ученые. Примечательна позиция Н. А. Бердяева и С. Л. Франка, которые в 1922 г. «решили остаться в таком большом мировом центре, как Берлин, основать журнал и заниматься литературной деятельностью» (ЛОССКИЙ, Н. О.: *Воспоминания: Жизнь и философский путь*. Москва: Русский путь, 2008, с. 196). Правда были и иные примеры. В августе 1927 г. историк и археолог Е. Н. Клетнова предприняла попытку перебраться в Париж, чтобы быть поближе к европейской науке. Но работы она там найти не смогла, сама французская столица ее разочаровала, и она вернулась в Прагу: «Париж с его огромными расстояниями и головокружительно-бешеной жизнью мне совершенно не по силам, и в нем работать я не могу» (Российский государственный архив литератур и искусства, Ф. 1568, Оп. 1, Д. 83, Л. 11).

³⁸ ЦВЕТАЕВА, М. И.: *Из писем А. Тесковой*, с. 136.

³⁹ БЕНУА, А. Н.: *Op. cit.*, с. 197.

⁴⁰ МЕЙСНЕР, Д. И.: *Миражи и действительность: Записки эмигранта*. Москва: Издательство Агентства печати «Новости», 1966, с. 126.

⁴¹ САВИЦКИЙ, И. П.: *Специфика Праги как духовного центра эмиграции*. In: *Duchovní proudy ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice 1919–1939*. Praha: Slovanský ústav, 1999, s. 75.

⁴² ХОДАСЕВИЧ, В. Ф.: *Из писем А. В. Бахраху*. In: Прага: Русский взгляд, с. 140.

московское влияние. В культурной жизни русской диаспоры в Чехословакии именно москвичи играли главные роли. Всей своей деятельностью они пытались подчеркнуть ориентацию русской диаспоры в Праге именно на московские традиции. Примечательна история с празднованием в чешской столице «Дня русской культуры» в 1926 г. Торжества эти были посвящены исторической и культурной роли русских городов, причем главное место было отведено Москве. 8 июня 1926 г. А. А. Кизеветтер выступил с речью «Москва и Россия». Современники вспоминали, что «как истинный ... москвич, он оттенил свой панегирик унижением Петербурга с его прямолинейными, казалось бы, хорошо олицетворяющими организующую волю Петербурга проспектами: “Не-еет, историку там не жить”»⁴³. На следующий день последний московский городской голова Н. И. Астров прочел доклад о памятниках Москвы, сопровождавшийся иллюстрациями⁴⁴. Этот случай хорошо объясняют слова немецкого историка Яна Ассман о том, что всякая социальная группа и пространство создают «существенное символическое единство, которое группа сохраняет и в случае разлуки со своим пространством, символически воспроизводя священные места»⁴⁵. Поэтому память о Москве и русских городах вообще пустила глубокие корни в сознании эмигрантов.

Этот московский дух очень хорошо подмечали жители других эмигрантских центров. Парижанин А. Штейгер в письме к княгине З. А. Шаховской от 5 июля 1935 г. писал о Праге: «Конечно, многое после Парижа странно – иной тон и стиль чуть все-таки московский»⁴⁶. Этот «московский» стиль, столь близкий, например историку А. А. Кизеветтеру с его «“первопрестольным” патриотизмом»⁴⁷, часто отталкивал интеллектуалов русского Парижа⁴⁸. З. А. Шаховская описывала в своих воспоминаниях поездку в Прагу в 1932 г. и посещение заседаний литературного общества «Скит поэтов». По ее словам, пражане увидели в ней олицетворение «парижской ноты», бывшей, по их мнению, выражением декадентства, и с жаром напали на нее: «Попреки и укоры их были не без едкости, но били мимо цели»⁴⁹. Но в первую очередь сами парижане свысока смотрели на литературный процесс, протекавший за пределами французской столицы. В их глазах Прага была литературным захолустьем. Посетившая чешскую столицу Н. Н. Берберова писала о Праге: «... Там главенствовали Чириков, Немирович-Данченко, Ляцкий и их жены, и для них я была не более букашки, а Ходасевич – неведомого и отчасти опасного происхождения червяком»⁵⁰.

⁴³ ЛОССКИЙ, Б. Н.: *В русской Праге (1922–1927)*. In: *Минувшее: Исторический альманах*. Москва–Санкт-Петербург: Феникс, 1994. Т. 16, с. 67.

⁴⁴ *День Русской культуры: Обзор празднования в 1926 году*. Прага: б. и., 1927, с. 8.

⁴⁵ АССМАН, Я.: *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. Москва: Языки славянской культуры, 2004, с. 40.

⁴⁶ ШАХОВСКАЯ, З. А.: *В поисках Набокова. Отражения*. Москва: Книга, 1991, с. 177.

⁴⁷ См.: ЛОССКИЙ, Б. Н.: *Op. cit.*, с. 45.

⁴⁸ Однако документы показывают, что и не все русские пражане были готовы мириться со старым московским духом. Более того, у некоторых он вызвал раздражение, ибо служил символов косности и консерватизма. См. оценку этого стиля жизни, данную в ноябре 1921 г. в письме профессора-юриста Н. Н. Алексева: «Мне не под душе среда, в которую я попал и от которой уже отвык, – бархатный баритон Павла Ивановича [Новгородцева], профессорские сплетни и интриги, милые профессорские жены, словом вся та дрянь, от которой я спасался в Москве, но не могу спастись здесь», – Русский Берлин 1921–1923: По материалам архива Б. И. Николаевской в Гуверовском институте / Сост., подг. текста, вступ. статья и коммент. Л. ФЛЕЙШМАНА, Р. ХЬЮЗА, О. РАЕВСКОЙ-ХЬЮЗ. Paris: YMCA-Press: Москва: Русский путь, 2003, с. 237.

⁴⁹ ШАХОВСКАЯ, З. А.: *Из книги «Отражения»*. In: Прага: Русский взгляд, с. 193.

⁵⁰ БЕРБЕРОВА, Н. Н.: *Из книги «Курсив мой»*. Ibid, с. 141.

Мудрый пражский литературовед А. Л. Бем уловил корни подобных взглядов русских парижан и охарактеризовал их как «столичный провинциализм». В его понимании, «провинциал, очутившийся волею судьбы в столице, нахватавшийся верхов культуры, начитавшийся – без возможности продумать и освоить – наиболее модных авторов и сам захотевший стать во что бы то ни стало “столичным” – вот источник этого столичного провинциализма. Париж наиболее подходящее место для произрастания этого сугубо российского плода»⁵¹. Свои взгляды А. Л. Бем концентрированно высказал в сентябре 1937 г. в статье в варшавской газете «Меч». Поводом к ее написанию послужило начало издания в Шанхае журнала «Русские записки», который фактически дублировал парижские «Современные записки». Но в своем отзыве А. Л. Бем пошел куда дальше простого литературоведческого обзора и вынес в заглавие своей работы вопрос о взаимоотношении эмигрантских «столицы» и «провинции». «В какой мере русский литературный Париж имеет право претендовать на гегемонию в литературе только потому, что он находится в Париже?» – спрашивал он читателей⁵². Для самого А. Л. Бема ответ на вопрос был очевиден. Спор «столицы» и «провинции» он считал бесплодным и лишеным всякого смысла, полагая, что нет, тем самими, никаких основания для сравнения пражского и парижского центра в пользу одного или другого. А. Л. Бем попытался найти конструктивный подход и выделить объединяющие мотивы для всех русских столиц. И таким мотивом, по его мнению, должна стать связь с Родиной. Но в Париже призыв ученого услышан не был. Для самих парижан провинциальность Праги по-прежнему объяснялась отсутствием там крупных писателей и следованием давно устаревшим, архаичным литературным моделям прошлого, связанным не столько с Петербургом Серебряного века, а с Москвой 1870–1880-х гг. Такое отношение сохранялось вплоть до Второй мировой войны, которая уравнила все эмигрантские центры, прервав историю Зарубежной России.

Как видим, русский Париж не желал делить свое «столичное» положение ни с одним другим эмигрантским центром. Но Прага и пражская диаспора никогда не преследовал таких целей. Единственным примером их глобальных притязаний может служить интеллектуальная экспансия евразийства. Это была попытка части русских пражан распространить свое влияние на всю Зарубежную Россию. Но в Париже ее восприняли как еще одно подтверждение пражского провинциализма, ибо не увидели в евразийстве ничего нового или же посчитали его вызовом традиционной российской идентичности и особой эмигрантской миссии. Причем в этом хоре критики слились голоса представителей самых разных политических течений, да и в самой Праге нашлось немало противников евразийства.

Даже несмотря на то, что в начале 1920-х гг. чешская столица некоторое время была центром сосредоточения эсеров, русские пражане старались держаться в стороне от эмигрантских политических страстей⁵³. Правомерность этих слов хорошо демонстрируют слова историка С. Г. Пушкарева: «Мы занимали нишу между

⁵¹ БЕМ, А. Л.: *Столичный провинциализм*. In: БЕМ, А. Л.: *Письма о литературе*. Euroslavica, 1996, с. 245.

⁵² БЕМ, А. Л.: «*Столица*» и «*провинция*». Ibid, с. 305.

⁵³ Справедливости ради стоит отметить, что этому способствовала позиция чехословацких властей, которые не желали превращения своей страны в русский политический центр. Именно поэтому въезд в республику как крайне правых, так и крайне левых был запрещен. Э. Бенеш на заседании парламентской комиссии по иностранным делам 6 февраля 1924 г. официально выразил правительственную позицию: «Мы не разрешаем эмиграции никаких конспиративных политических или военных действий, а просто даем возможность русским эмигрантам жить и работать, дабы они могли вернуться на Родину, когда там создадутся нормальные европейские условия, отличающиеся определенным объемом личной свободы» (*Бенеш о России*. In: Огни, 1924/6, 11 февраля). См.: TEJCHMANOVA, S.: *Politická činnost ruské a ukrajinské emigrace v Československu*

белградскими монархистами и парижскими республиканцами и не участвовали в их горячих, но бесплодных спорах на тему: что лучше – республика или монархия?»⁵⁴

Но, невзирая на все критичные отзывы, большинство русских эмигрантов в разных странах мира расценивали Прагу как научную столицу Зарубежной России. Образ «русской Праги», таким образом, в очередной раз раздваивался. В поздравительном письме Э. Бенеша I съезду Русских академических организаций, датированном октябром 1921 г., премьер-министр говорил, что если чешская столица становится «центром русской учащейся молодежи, то вполне естественно и желательно, чтобы она стала также и центром русских ученых, которые являются наиболее признанными учителями русской молодежи»⁵⁵. И уже на следующий год II съезд Русских академических организаций за границей официально признал Прагу интеллектуальным центром Зарубежной России, «Меккой для русской интеллигенции, не приемлющей большевизма»⁵⁶. В 1923 г. издававшийся в Вене журнал «Русский иллюстрированный мир» называл Прагу «средоточием подлинной русской культуры»⁵⁷.

В 1920–1930-х гг. именно в чешской столице располагались основные эмигрантские научные и учебные заведения. Сюда регулярно приезжали с лекциями и докладами П. Н. Миллюков, А. И. Деникин, С. Л. Франк, Н. А. Бердяев. Иностранцы посещали чешскую столицу, чтобы побывать в созданных усилиями эмигрантов музеях, библиотеках и архивах. Даже в 1930-х гг., когда научная и культурная жизнь русской диаспоры в Праге начала угасать, эмигранты из других стран не порывали связей с ней.

Таким образом, как бы ни старались некоторые русские парижане и берлинцы дистанцироваться от Праги, у них это не могло получиться в силу ее высокого и неопровержимого интеллектуального статуса. Ни в Париже, ни в Берлине так и не сложилось развитой сети русских научных и культурных учреждений. В то время как в Праге в 1920–1930-е гг. действовало несколько русских высших учебных заведений, научных обществ, библиотек, музеев, архивов.

Справедливости ради стоит заметить, что некоторые русские ученые, жившие в Праге, все же ощущали себя изолированными от мировой науки. В ноябре 1921 г. только что приехавший в Чехословакию правовед Н. Н. Алексеев писал в Берлин своему берлинскому другу профессору А. С. Яценко: «Меня пугает чрезвычайная скука и скудость здешней жизни, ее невероятная провинциальность и патриархальность»⁵⁸. К тому же в Праге долгое время не было условий для научной работы. Г. В. Вернадский 6 октября 1922 г. писал А. В. Флоровскому: «В Праге библиотеки по русской истории очень неважны – здесь нет даже Полн[ого] Собр[ания] Законов... Но конечно отсюда возможны изредка поездки в Берлин или Вену, где библиотеки сравнительно хороши»⁵⁹. Постепенно такие условия появились, но многие интеллектуалы к этому времени Чехословакию покинули.

v letech 1920–1939. In: Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945 (Sborník studií – 1). Praha: Seminář pro dějiny východní Evropy při Ústavu světových dějin FF UK v Praze, 1993, s. 3–19; VEBER, V.: *Strana eserů v moderních ruských dějinách a v Praze.* Ibid, s. 20–31.

⁵⁴ ПУШКАРЕВ, С. Г.: *Воспоминания историка. 1905–1945.* Москва: Посев, 1999, с. 89.

⁵⁵ Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice. Praha: Slovanský ústav AV ČR, 1998, s. 46. Именно с I съездом Русских академических организаций в историографии часто связывают начало превращения Праги в «русский Оксфорд». См.: RINA, T.: *Russian Émigré Scholars in Prague after World War I.* The Slavic and East European Journal, 1958/2–1, p. 23.

⁵⁶ *Второй Съезд русских ученых.* Студенческие годы (Прага), 1922/3–4, с. 21.

⁵⁷ *Русские в Праге.* Русский иллюстрированный журнал (Вена), 1923/1, с. 13.

⁵⁸ Русский Берлин 1921–1923, с. 237.

⁵⁹ Архив Российской Академии наук, Ф. 1609, Оп. 2, Д. 171, Л. 1 об.

В то же время русские парижане и берлинцы с завистью смотрели на повседневную жизнь своих соотечественников, развивавшуюся при материальной поддержке чехословацких властей. Поэт В. Ф. Ходасевич 7 ноября 1923 г. писал А. В. Бахраху, что ему «очень странно и непривычно видеть, что все сыты, и совсем не слышать о долларах»⁶⁰. В этом смысле чешская столица выгодно отличалась от прочих эмигрантских центров. В 1925 г. известный журналист К. Бельговский на страницах рижской газеты «Сегодня» хорошо отметил эти особенности русской Праги: «Здесь нет богачей и бедных, как в Париже, здесь нет голодающих, как в Константинополе. В Праге нет русских кабаков и шашлычных, где прокучиваются, под пение цыганского хора, огромные суммы. Русские рестораны в Праге – это скромные студенческие “столовки”, русские вечеринки – похожи на скромные гимназические вечера, русская жизнь – жизнь людей, целый день занятых учебой или ученьем»⁶¹. Ему вторил анонимный корреспондент парижских «Последних новостей»: «Очень отраднo, что в Праге русские не увлекаются пьянством, картами и фокстротом, а ведут гораздо более культурную жизнь»⁶².

Подводя итоги, можно зафиксировать раздвоенность образа Праги в сознании эмигрантов. Если для литераторов она была провинцией, то для ученых однозначно выступала в качестве столицы. И в этом статусе она взаимодействовала с другими центрами русского рассеяния, в том числе с тем же Парижем.

Эмигрантское бытие складывалось в границах определенного локуса и хронотопа. Локус служил пространственной рамкой, в которой развивалась культурная, интеллектуальная и повседневная жизнь. В то же самое время он являл собой «вызов человеку как носителю определенных культурных ценностей, заставляя его приспособливаться к себе, осваивать культурные смыслы, связанные с данным локусом»⁶³. Еще М. М. Бахтин в своих работах развивал понятие хронотопа, под которым понимал взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе⁶⁴. С этой точки зрения таким хронотопом являлась русская Прага. По словам Ольги Демидовой, в эмигрантской среде могли складываться как типологически близкие друг другу, так и чуждые хронотопы. Бытовала разная оценка явлений, существовавших в рамках одного и того же хронотопа. Этим объяснялось и противоречивое восприятие Праги в глазах русских эмигрантов, которые одновременно писали о ней как о центре славянского мира, так и о культурной провинции Европы.

Поэтому образ Праги был сложен и противоречив. Спор о столице и провинции, развернувшийся в эмигрантской среде в 1920–1930-е гг., был порожден небольшой группой интеллектуалов, в первую очередь литераторов. Он был следствием перенесения на эмигрантскую почву старых художественных и эстетических споров и не был связан с реальным статусом и функциями эмигрантских центров.

⁶⁰ ХОДАСЕВИЧ, В. Ф.: *Op. cit.*, с. 140. Это мнение подтверждают слова историка Н. Е. Андреева: «...Первая республика ела досыта, даже те, кто имел денег в обрез, могли отлично питаться» (АНДРЕЕВ, Н. Е.: *Op. cit.* Т. 2, с. 82).

⁶¹ БЕЛЬГОВСКИЙ, К.: *Как живут русские в Чехословакии. Сегодня* (Рига), 1925/255, 12 ноября.

⁶² К. Н.: *Op. cit.*

⁶³ ДЕМИДОВА, О. Р.: *Op. cit.*, с. 27.

⁶⁴ БАХТИН, М. М.: *Формы времени и хронотопа в романе*. In: БАХТИН, М. М.: *Вопросы литературы и эстетики*. Москва: Художественная литература, 1975, с. 234–407.

Summary

**Capital City or Province: Images of Prague in the Consciousness
of the Russian Émigré Community of the 20s' and 30s' 20th Century**

The image of Prague in the consciousness of the Russian émigré community was complex and contradictory. The dispute as to whether it was a capital city or a province that evolved within the émigré community in the nineteen twenties and thirties was initiated by a relatively small group of intellectuals, primarily writers. It resulted from old artistic and aesthetic disputes being brought to émigré soil, and was not connected with the true position of the émigré centres.